

КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА

БОГАТЫРИ И ВИТЯЗИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

ОБРАЗЦОВЫЕ СКАЗКИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

В. П. Авенариус - Богатыри и витязи русской земли. По былинам, сказаниям и песням. /Сост., предисл. Н.И. Надеждина. Образцовые сказки русских писателей. /Сост., обработка В. П. Авенариуса. //Московский рабочий, Москва, 1992
FB2: "rvvg ", 09 April 2015, version 1.0
UUID: 77414A34-E3F8-4921-8FC8-753D074F238C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Василий Петрович Авенариус

Горе

Авенариус, Василий Петрович, беллетрист и детский писатель. Родился в 1839 году. Окончил курс в Петербургском университете. Был старшим чиновником по учреждениям императрицы Марии.

В. П. Авенариус

Горе

Ой, ты, Горе горемычное!
Окрутило мужика ты, добра молодца.
Как ни бьется бедный, как ни трудится,
Никакое дело не спорится, впрок нейдет,
За столом сидит он, головой поник,
Думает сам думу невеселую:
«Без семьи бы взял да в реку бросился,
А теперь поди-кось, надевай суму
Да по людям христарадничай.
Хоть и есть, пожалуй, старший брат, богач,
Да с богатством словно леший обошел его,
Дух лукавый жадности и гордости:
Не подаст тебе и корки хлеба черствого».
Лишь подумал так-то, а уж старший брат
Дверью стук и — в шапке на дороге стал,
Головой едва кивнул хозяевам,
Говорит им сам с усмешкою

недоброю:

«Каково, друзья, живете-можете?
Завтра буду именинник я,
Так уж бьем челом вам: не обидь-
те нас,
Хлебом-солью нашим не побрез-
гуйте».

«Благодарствуй, — молвил млад-
ший брат в ответ. —
Нам с женой и нарядиться не во
что».

«Да на что рядиться? — говорит
богач. —
Приходите так, в чем бог послал.
Всей скотины-то у вас — петух да
курица.

Всей посуды — медный крест да
пуговица,
Нечем бы, кажись, пред нами чва-
ниться!»

«Погодим до завтра, — говорит
бедняк. —

Утро, дескать, мудренее вечера».
А поутру мужу говорит жена:
«Я ни шагу к брату, да и ты ней-
ди:

Богачу ведь только бы потешить-
ся

Над бездольной нашей бедно-
стью».

«Хватит духу — пусть потешит-
ся, —

Муж в ответ, — а мне нельзя ней-
ти.

За греховность, видно, бог взыс-
кал меня,

Не помилует ли за смирение».

Взял обулся в лапти старые,

Натянул армячишко худенький,

Нахлобучил шапку рваную,

Потащился к имениннику на зва-
ный пир.

А сидели там за скатертями
бранными

Все уж гости именитые,

В сапогах козловых, в шубах за-
ячьих;

Угощает их хозяин сам с хозяй-
кою

Пряником печатным, зеленым
вином.

Как вошел бедняк, поздравил с ан-
гелом,

У дверей скромненько в уголочек
сел,

Ничего-то бедному хозяева

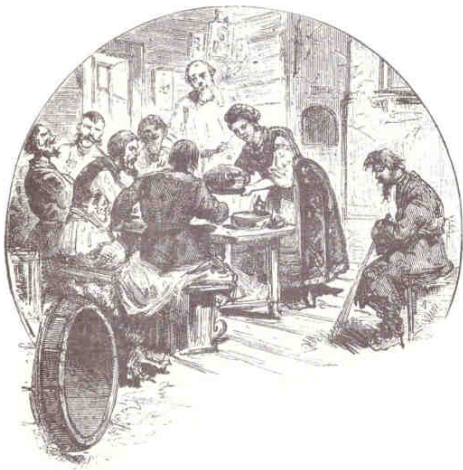
Не предложат, смотрят в сторону,
Будто вовсе тут и нет его.
Вот наелись гости досыта,
Напились до полупьяна,
Гуторя из-за стола встают,
Отдают поклон хозяину с хозяйской.
Встал и бедный в уголочке с лавочки,
Поклонился им до пояса.
Со двора поехали, шумят-поют;
И бедняк домой поплелся, с голоду
Затянул сам песню залихватскую:
С именин, мол, тоже возвращаюсь.
Как запел — слышалось два голоса:
Свой густой да чей-то тоненький;
Что за диво? словно подсобляет кто!
Замолчал — и тот молчит; запел опять —
И опять поют два голоса.
«Ой ты, Горе мое горемычное!
Уж не ты ли это подсобляешь

мне?»

«Я, хозяин: больно полюбился мне,
Ввек с тобою не расстануся».

«И на том спасибо! будем вместе
жить».

Воротился наш мужик домой,
На полатях с боку на бок вертит-
ся;

От тоски ли — ночи напролет не
спит.

А уж Горе шепчет на ухо:
«Что, хозяин, закручинился?
Ты тоску злодейку утопи в вине».
«Да где денег взять-то?» — гово-
рит мужик.

«Эх ты, глупость деревенская!
А армяк-то у тебя на что ж?
До весны не долго: проживешь и
так».

И понес армяк свой добрый моло-
дец,

Прогулял до самого до вечера.
Как проснулся утром, слышит:
Горе охает;

Знать, с похмелья тоже голова
болит.

«Эй, хозяин, надо бы опохмелить-
ся нам!»

«Армяка уж нету», — говорит
мужик.

«А телега у тебя на что ж?
На колесах, чай, не станешь ез-
дить по снегу?

„Что тут делать? И телегу по-
тащил мужик,

Прогулял до самой полночи.

А поутру Горе пуще охает,
Подбивает снова добра молодца:

„Эй, хозяин! погляди-ка: у тебя со-
ха

Даром на дворе валяется“.

Поволок и соху добрый молодец,

Прогулял до утра самого.

Как пришла весна, спустил все до-
чиста.

А от Горя все отбоя нет:

„Эй, хозяин! что бы прогулять
еще?“

„Нет, дружище, право, нечего“.

„А вон в поле кем-то лошадь,
вишь, оставлена:

Уведем ее и сбудем с рук!“

Ничего на то он не ответство-
вал,

У соседа заступ выпросил

И пошел себе куда глаза глядят.

„Ты куда, хозяин?“ — Горе вслед
кричит.

Он идет вперед, ни слова; в тем-
ный лес вошел,

Отвалил большущий камень за-
ступом

И давай себе могилу рыть.

Сзади Горе из-за плеч глядит:

„Ты чего там, милый, роешься?

Не проведал ли уже про клад ка-

кой?”

Усмехнулся горько добрый молодец:

„А то как же? Вон червонцы так и светятся!“

„Где? Не вижу что-то...“

„Да вон там, в углу“.

„Не видать“...

„Ослепло, что ль, на старости?

Полезай — увидишь“.

Делать нечего,

Опустилось Горе в яму; а мужик-то наш

Сверху камнем тем и завали его.

„Ну, дружище, не прогневайся!

Впредь, даст бог, уже не свидимся“.

Поздно Горе спохватилось,

Из-под камня к молодцу взмолился:

„Ишь шутник какой! Ну, полно, выпусти!“

„Полежи маленько, — отвечал мужик, —

Ты же ведь со мной шутило шуточки,

Ну а долг, известно, платежом красен“.

„Без меня, голубчик, ты соскучишься“.

„Потерплю; авось утешуся“.

И, взвалив опять на плечи заступ свой,

Повернул домой он и на радостях
Залился веселой песнею.

Разбудила песня темный лес кругом,

Понеслася дальше по лугам-полям;

Да на этот раз чужого голоса
Рядом с нею уж не слышалось.

И скатился с плеч у молодца
Будто груз какой, гора тяжелая.

Как тут мимо поля братнина
Проходил он, видит: поле пашется;

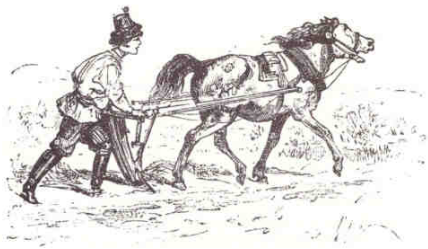
И соха, и лошадь братнины;

Да идет-то за сохой не брат его,
А какой-то человек неведомый.

Только примется, кажись, за полосу —

Глядь, назад другую бороздит
опять.

Из-под рала[1] комья так и валяются,

Так и лезут сами из сырой земли;
Валуны и пни корявые,
Словно щепки, так и сыплются.
„Ай да пахарь! исполать тебе! —
Похвалил мужик работника уда-
лого. —

Как назвать, не знаю, величать
тебя?“

„А зовут меня Судьбою-счастьем
Твоего родного брата старшего.
Он баклуши бьет; а я тем време-
нем

На него без устали работаю“.

„А мое куда же Счастье делось?“

„А твое вон под кустом лежит;
Под кустом лежит да без просы-
пу спит“.

„Погоди ж ты! — говорит мужик. —

У меня небось еще напляшешься“. Взял он, тут же плетку знатную Срезал с дерева ракитова Да как вытянет ленивца по боку! Пробудилось Счастье, разбранилось:

„Что дерешься-то, за что про что?“

„А за то, что люди добрые Землю пашут знай, в поту лица, А тебе и горя мало: растянулося, День-деньской без дела проклажаешься“.

„Да коль ваше дело-то крестьянское

Не по нраву мне, не по сердцу? Хоть на месте разрази сейчас — Не могу пахать, и только!“

„Что же можешь ты?“

„Торговать могу. Займись торговлею.

Батраком, увидишь, не нахвалишься“.

„Хорошо сказать: займись торговлею!

Да на что ее вести-то, коль и гро-

ша нет?“

„А продай домишко свой; что выручишь —

В оборот пусти: вернешь сторичею“.

„Так ли, ой ли?“ —

„Верь не верь, как хошь“.

И махнул рукой мужик, послушался:

Все свое хозяйство деревенское
С молотка распродав до иголки,

Перебрался в город и на выручку
Торговать тихонько, помаленьку
стал.

Что ни купит, ни продаст — все с
прибылью,

Загребает денежки лопатою.

Вот и дом себе построил белокаменный,

Зажил в нем с семьей припеваючи.

И дошла тут весть о том до брата
старшего.

Обуяла скрагу зависть лютая,
Сам собрался в город убедиться в том,

Смотрит: точно, дом в пять ярусов,

В дверь взошел — хоромы барские.
Облилося кровью сердце алчное,
Затаил в себе он злобу тайную,
Поклонился низко брату младше-
му,
Стал расспрашивать медовым го-
лосом:
„Уж скажи-ка, братец, мне, пове-
дай-ка,
Как из нищих ты да в богачи по-
пал?“
И поведал тот по чистой сове-
сти,
Как к нему пристало Горе горе-
мычное,
Как они с ним зиму нагулялися,
Как в лесу себе он начал яму
рыть,
Да как Горе кстати подвернулося
—
За него спустилось, улеглось ту-
да.
Намотал себе то на ус старший
брат,
Не простился даже с братом, а в
телегу сел
И прямым путем поехал в тем-
ный лес.

„Дай-ка, — думает, — я Горе выпущу:

Пусть-ка брата снова разорит дотла“.

Своротил с могилы камень в сторону.

Наклонился только: там ли все еще?

А оно к нему уж мигом на спину.

„А! — кричит, — попался! не уйдешь теперь!“

„Что ты, Горе! — завопил мужик. —

Это брат ведь засадил тебя,

Я тебя, напротив, выпустил.

Ты ступай к злодею, разори дотла...

«Рассмеялось Горе на ту речь в ответ.

„Нет, любезный, не пойду к нему!

Он ведь злющ, похоронил меня,

Ты же добр, на волю выпустил;

Век тебя за это не покину я“.

И сдержало Горе слово: на спине его

Навсегда засело крепко-накрепко;

И пошло его хозяйство деревенское

Вкривь и вкось: немного времени

—

*Разорило Горе богача вконец.
Так-то сказывают сказку люди
старые
Молодым про Горе горемычное.*

Примечания

Рало (орало) — соха.

[^^^]